

А.А. КИМ

**ИЗУЧЕНИЕ БОХАЯ
В РОССИИ (СССР)
И ЗА РУБЕЖОМ**

Монография

Москва
РИОР

УДК 94
ББК 63.3(0)4
К40

Автор:

Ким А.А. — к.и.н., доцент кафедры международных отношений и права, Владивостокский Государственный Университет экономики и бизнеса. Автор более 100 работ, опубликованных на 9 языках, в том числе более 40 статей в Web of Science и Scopus, по проблемам истории, археологии, этнографии, международным отношениям и социальным исследованиям в Восточной Азии

Рецензенты:

Паламарчук Е.А. — д.и.н., профессор кафедры теории и истории государства и права, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

Шаляпин С.О. — к.и.н., доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Северо-Арктический федеральный университет (г. Архангельск)

Ким А.А.

К40 Изучение Бохая в России (СССР) и за рубежом : монография [Электронный ресурс]. — Москва : РИОР, 2020. — 93 с. — DOI: <https://doi.org/10.29039/02130-9>

ISBN 978-5-369-02130-9

В монографии рассматривается история изучения Бохайского государства в России (СССР), Республике Корея, КНДР, КНР, Японии и странах западного мира. Рассмотрены основные достижения и тенденции в исследовании Бохая в вышеуказанных государствах, специфика и особенности исследований. Работа не претендует на охват всей темы в силу ее глобальности и делает упор на основные моменты.

Материалы и выводы монографии могут быть использованы при написании работ и трудов по истории Средневековья Дальнего Востока России. Главы работы могут быть полезны для лекторов вузов, читающих курсы по истории Восточной Азии в Средние века, и широкого круга читателей, интересующихся историей Восточной Азии.

Издается в авторской редакции

УДК 94
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-369-02130-9

© Ким А.А.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Изучение Бохая в России	5
Изучение Бохая в Республике Корея	20
Изучение Бохая в КНДР	47
Изучение Бохая в Китае	58
Изучение Бохая в Японии	65
Изучение Бохая в странах Европы, США и Австралии	70
Заключение	75
Список использованных источников и литературы	76

ВВЕДЕНИЕ

Государство Бохай (до 713 года носившее другое название — Чжэнь) было самым древним государственным образованием на территории российского Дальнего Востока. Оно располагалось на современных землях КНР, КНДР и РФ, поддерживало дипломатические отношения с Японией и оказывало большое влияние на восточноазиатский регион. Бохай образовался в 698 году и погиб в 926 году, поэтому после этого государства осталось много памятников культуры в регионе. Но бохайское население сохранилось и столетиями играло важную роль в других странах (таких как, например, империи Ляо и Цзинь) вплоть до XIII века.

Всё вышеперечисленное приводит к тому, что Бохаем интересуются практически все страны, имеющие свои интересы в регионах Восточной Азии, включая Россию.

Проводятся различные исследования, международные мероприятия и т.д. Бохай стал важной частью ряда политических дискуссий и территориальных претензий разных сторон. Поэтому рассмотрение изучения Бохая в ряде стран является важным не только с исторической, но и политологической точек зрения.

Целью работы является описание и анализ изучения бохайской тематики в разных странах. Основной упор в данном труде был сделан на корейские материалы в силу ряда причин: научной специализации автора монографии, сравнительно малой известности работ на корейском языке в Российской Федерации и большой информативности ученых Республики Корея по выбранной тематике.

К тому же южнокорейские исследователи стремятся собирать любую информацию о Бохае в мире. Кроме того, они имеют информации больше, чем специалисты из других стран, об изучении Бохая на севере Корейского полуострова. Выбор стран автором был связан со степенью исследований по бохайской тематике, проводимых в этих государствах.

Данная монография состоит из разделов, посвященных краткому описанию изучения Бохая в конкретной стране.

Автор также уделил внимание изучению бохайской тематики в странах западного мира. Данное направление практически неизвестно не только в России, но и во многих других государствах, включая Республику Корея.

Работа не претендует на охват всей темы в силу ее глобальности.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что материалы и выводы могут быть использованы при написании научных работ и трудов по истории Средневековья и историографии Российского Дальнего Востока и сопредельных государств. Главы монографии могут быть полезны для лекторов вузов, читающих курсы по истории Восточной Азии в Средние века.

Работа состоит из шести глав.

Автор благодарит за помощь в работе с китайскими материалами Александра Львовича Ивлиева, в.н.с. Института истории, археологии и этнографии народов дальнего Востока ДВО РАН, за поддержку научных исследований Алексея Юрьевича Мамычева, заведующего в Лаборатории политико-правовых исследований, Факультет политологии, МГУ имени М.В.Ломоносова.

ИЗУЧЕНИЕ БОХАЯ В РОССИИ

Как правило, считается, что начало изучения Бохая в России связано с 1851 годом, когда была издана трехтомная монография первого российского китаевода Никиты Яковлевича Бичурина (отец Иакинф) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (Бичурин, 1851). В этой работе было размещено краткое представление об истории Бохая. Несмотря на большое количество ошибок и неточностей в данном описании Бохая, эта работа дала старт изучению этой темы в России. Поэтому работа переиздавалась и в советское время в 1950 году.

Но при этом необходимо отметить, что Бичурин упоминает бохайцев и в другом, более раннем труде — «История первых четырех ханов дома Чингисова», которая датируется 1829 годом (Бичурин, 1829). В этой работе нет описания бохайского государства, а есть только упоминание о нем и бохайцах, которые жили в империи Цзинь в период войны с монголами.

Но после работ Н.Я. Бичурина в изучении Бохая в Российской империи наступил период длительного застоя. Это было связано с рядом причин: 1) по Бохаю в России (как и в большинстве других стран) было малое количество письменных источников. Поэтому российские китаеведы (изначально о корейских материалах по Бохаю ничего не было известно) не могли работать с темой, по которой мало литературы. А изучение Кореи и Японии началось значительно позже, хотя японские и корейские летописи тоже не обладают большим количеством информации; 2) для систематического исследования необходимо находиться поблизости с регионом, который ученый исследует. В тот промежуток времени это было невозможно, так как основная масса потенциальных исследователей находилась на западе страны, а Дальний Восток оставался малоисследованным; 3) на тот период времени российское востоковедение не достигло такого академического уровня (впрочем, тогда этим не могли похвастаться никакие другие страны в мире), чтобы иметь возможность активно заниматься изучением столь отдаленных регионов.

К тому же Н.Я. Бичурин был на редкость талантливым востоковедом, который мог заниматься большим количеством тем, связанных с изучением Восточной Азии.

Но, несмотря на застой в историческом изучении Бохая, со временем на Дальнем Востоке начинаются исследования в другом направлении — археологическом.

Первые упоминания о предполагаемых бохайских археологических памятниках на территории России относятся к 1870–1871 гг., когда Петр Иванович Кафаров (архимандрит Палладий), во время своего путешествия по Уссурийскому краю стал описывать археологические пункты на территории края (Кафаров, 1871: 91–96). Он первым из российских исследователей стал утверждать, что на территории современного Приморского края

существовало государство Бохай. П.И. Кафаров также создал первую периодизацию истории Амурского края, в которой он верно указал период существования Бохая — VIII–X века н.э. (Кафаров, 1871: 92). П.И. Кафаров также предположил места, на которых должны были находиться крупные бохайские памятники, что позже было подтверждено в ходе раскопок уже в советское время (Государство Бохай, 1994: 4). Существует мнение, что в своих предположениях он руководствовался данными из летописных источников, которые, к сожалению, в настоящее время неизвестны (Kim, 2009).

Некоторые исследователи полагают, что первым, кто коснулся проблемы изучения археологических памятников Бохая в России, был офицер русской армии Михаил Иванович Венюков (1832–1901). Он находился на Дальнем Востоке в 1860-е годы. Но М.И. Венюков рассматривал только некоторые древние поселения в дальневосточном регионе, каких-либо раскопок не проводил, никаких обоснованных гипотез по поводу принадлежности памятников к какой-либо эпохе не выдвигал, в отличие от П.И. Кафарова. Поэтому нам затруднительно назвать его первым специалистом, который занимался бохайскими памятниками (Kim, 2009).

Более активное исследование Бохая в Уссурийском крае в тот промежуток времени было связано с деятельностью Общества изучения Амурского края (ОИАК), созданного в 1884 году во Владивостоке. Оно объединило всех местных энтузиастов, которые интересовались прошлым этого региона. Несмотря на то, что данное общество изначально создавалось на общественных началах, оно вскоре смогло выпускать свое периодическое издание, «Записки общества изучения Амурского края», создало свои библиотеку и различного типа коллекции.

Первый председатель общества, Федор Федорович Буссе (1838–1896), проводил активные исследования многих древних и средневековых памятников в крае, которые были известны ему и другим энтузиастам и собирал различные данные по ним. Он также создал свою периодизацию археологических памятников Приморья (Буссе, 1888: 3–5), которая во многом схожа с классификацией П.И. Кафарова (Васильева, 1989).

В вопросе определения места и времени существования Бохая в Уссурийском крае Ф.Ф. Буссе был солидарен со своим предшественником П.И. Кафаровым. Конечно, работа по краеведению проводилась на любительском уровне, но в тот период времени это было достижением.

Также свою периодизацию истории Уссурийского края представлял и известный русский путешественник и офицер В.К. Арсеньев (Арсеньев, 1947), который тоже был членом ОИАК, но, несмотря на то, что она была создана позже других, эта периодизация грешила неточностями и была менее верной, чем у П.И. Кафарова и Ф.Ф. Буссе.

Результатом полевых исследований членов ОИАК стала совместная работа Ф.Ф. Буссе и Льва Алексеевича Кропоткина (1842–1921) «Остатки древностей в Амурском крае», которая

была опубликована в 1908 году (Буссе, Кропоткин, 1908: 25–48). В этом труде авторы поместили сведения по всем известным археологическим памятникам юга Дальнего Востока на то время и указали личности тех, кто первым открыл тот или иной памятник.

А.З. Федоров, офицер армии Российской империи, энтузиаст-краевед и активный член ОИАК, провел серию полевых работ и открыл ряд древних и средневековых памятников, в том числе и несколько бохайских, в окрестностях современного Уссурийска (тогдашний город Никольск–Уссурийский). В течение нескольких лет он проводил самостоятельные раскопки обнаруженных им городищ и поселений.

На основании своих исследований А.З. Федоров опубликовал книгу «Памятники старины в городе Никольск-Уссурийском и его окрестностях» в 1916 году (Kim, 2013: 79). Эта работа ценна тем, что представляет материал о бохайских и чжурчжэньских городищах Уссурийского района, значительная часть которых, к сожалению, в дальнейшем была уничтожена в ходе строительства и прочих видов деятельности местных властей. По мнению А.З. Федорова, Бохай был тунгусским государством.

В периоды Первой мировой и Гражданских войн все раскопки на территории российского Дальнего Востока были свернуты и никакие исследования не проводились.

Ситуация поменялась, когда страна стала выходить из кризиса и восстанавливать хозяйственную жизнь. ОИАК смогло снова сконцентрироваться на исследовательской работе в крае. Победившая в Гражданской войне Советская власть дала возможность ученым продолжать прежние и начинать новые исследования по краю.

В 1929 году Зотик Николаевич Матвеев, который был тогда доцентом Дальневосточного Государственного Университета, опубликовал небольшую книгу под названием «Бохай» (Матвеев, 1929). В своей работе автор использовал выдержки из китайских и японских летописей, имевших отношение к бохайскому государству. Монография З.Н. Матвеева стала первой книгой в СССР, полностью посвященной истории Бохая.

Матвеев полагал, что Бохай был мохэским государством с сильным культурным когурёским влиянием (Матвеев, 1929: 6). В своей работе он сделал упор на международные контакты не только бохайского государства, но и его жителей. На длительное время эта работа стала самой подробной научной публикацией на русском языке, описывавшей политическую жизнь Бохая (Васильева, 1989: 41).

Кроме того, данная работа стала путеводителем для многих советских ученых в бохаеведении на последующие десятилетия. В частности, материалы этой монографии оказали большое влияние на научную деятельность А.П. Окладникова, который в дальнейшем стал академиком АН СССР. В своей работе «Далекое Прошлое Приморья» он активно использовал выдержки из книги Матвеева (Окладников, 1959).

Но после монографии З.Н. Матвеева в изучении Бохая снова наступило затишье. К тому же в 1930-е годы многие исследователи, занимавшиеся изучением Бохая, погибли в ходе сталинских репрессий. Это относится к З.Н. Матвееву, А.З. Федорову и другим. Была расстреляна даже вдова Арсеньева.

Кроме того, государственный прессинг коснулся и ОИАК, который в ходе этих репрессий потерял часть своих фондов, коллекций и каталогов различной литературы. Многие из них до сих пор не найдены. Конечно, только в некоторых исторических работах упоминался Бохай (Колоколов, Мамаев, 1942), хотя это были подборки кратких, но старых сведений о бохайском государстве и его месте в восточноазиатском регионе.

Это создало дополнительные сложности в изучении всей Восточной Азии в регионе, хотя и до репрессий такие исследования в стране имели много недостатков.

Еще в 1940 году академик Алексей Петрович Баранников указывал, что слабое изучение востоковедения в СССР связано с двумя причинами. Во-первых, малое число молодых ученых, во-вторых, в 1920-е годы поднялось большое количество специалистов в востоковедении, которые не имели отношения к изучению Азии, но зато были политически «подготовлены», с «чистым» политическим прошлым и соответствующим социальным происхождением (Баранников, 1940: 6).

К этому мы можем добавить еще два важных фактора: 1) деление советских ученых на ряд школ, слабо взаимодействовавших и конкурировавших между собой в плане исследования связанных между собой тем (старая, новая и харбинская); 2) жесткое идеологическое давление в Советском Союзе на науку, которое не позволяло ученым иметь свое мнение в ряде случаев и проводить свои исследования (Kim, 2013: 80).

Только в начале 1950-х годов в изучении прошлого Приморского края наметился сдвиг.

В 1953 году начала работу Дальневосточная археологическая экспедиция Алексея Павловича Окладникова (1908–1981). Целью этой экспедиции было изучение прошлого Приморского и Хабаровского краев. В ходе полевых исследований советские специалисты нашли многие археологические памятники и начали работу на них работу, включая бохайские.

В те же 1950-е годы (но позже экспедиции А.П. Окладникова) другой археолог, Эрнст Владимирович Шавкунов (1930–2001), начал раскопки группы бохайских памятников в районе реки Кроуновка Уссурийского района. Исследования этой группы стали важными и продолжались до 1990-х годов. В результате полевых работ были найдены бохайские поселения и храмы. Полученный оттуда археологический материал до сих пор играет важную роль в изучении Бохая в России.

Кроме того, результаты этих раскопок позволили Э.В. Шавкунову выпустить ряд научных статей и защитить кандидатскую диссертацию, связанную с изучением бохайских памятников в

Приморском крае, в 1962 году. В 1968 году он переработал свою диссертацию и выпустил ее в виде монографии — «Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье» (Шавкунов, 1968).

Эта работа стала первой диссертацией в Советском Союзе, посвященной Бохаю. Автор в своей работе использовал исторические и археологические материалы, часть которых впервые вводилась в научный оборот. Эта книга до сих пор пользуется популярностью у российских, японских, китайских и корейских ученых, занимающихся изучением бохайского государства.

В 1959 году в Москве был выпущен первый том переводной работы «Самгуксаги» — «Исторические записки Трех Государств» (Самгуксаги, 1959). В этой монографии были приведены данные по силланскому королевству. Основным переводчиком этого труда, профессор Михаил Николаевич Пак (1918–2009), коснулся и проблемы отношений между Силла и Бохаем.

В частности, это касается отправки силланских посольств в Бохай, отзывы местных лидеров о своем северном соседе и участии силланцев в войне империи Тан и Бохая в 731–732 гг. Это была первая работа в СССР, которая затрагивала проблему контактов между этими государствами.

В 1969 году начался советско-китайский вооруженный конфликт на Даманском, который сыграл большую роль в изучении Дальнего Востока по обе стороны границы. Вплоть до 1991 года контакты между КНР и СССР оставались натянутыми. Враждебные отношения между государствами сильно ударили по науке.

История отношений Китая с Советским Союзом подверглась радикальному пересмотру с обеих сторон, кроме того, политические разногласия затронули и прошлое Дальневосточного региона. Правящие круги Китая стали предъявлять территориальные претензии к своему северному соседу, что сказалось на истории и археологии.

В принципе, как таковые претензии на счет территорий к СССР со стороны Китая звучали и раньше (Гончаров, 2006: 360–373), но теперь они стали выставляться куда в более жесткой манере.

Китайские специалисты, также находившиеся под политическим давлением в своей стране, как и советские ученые, стали обосновывать эти требования в историческом плане. Представители КНР стремились обосновать свои положения тем, что юг Сибири и Дальнего Востока издавна находились под влиянием Китая или входили в его состав в тот или иной промежуток времени. Поэтому, по их мнению, именно Китайская Народная Республика имеет все исторические права на эти земли, а не СССР.

В свою очередь, советские историки и востоковеды прилагали все усилия опровергнуть доводы китайских коллег и утвердить исторические права своей страны на этот регион. В качестве ответного аргумента они стали утверждать, что данные территории не были под

властью каких-либо китайских государств, а культуры и государства юга Дальнего Востока и Сибири развивались самостоятельно, вне китайской цивилизации или ее влияния. Поэтому с этого периода времени многие представления о Бохэе в Советском Союзе претерпели значительные изменения.

Примером могут быть работы уже ранее упоминавшегося академика А.П. Окладникова. В 1973 году вышла его монография, написанная в соавторстве с другим советским археологом, Анатолием Пантелеевичем Деревянко (Окладников, Деревянко, 1973). В этой публикации, в отличие от предыдущего труда 1959 года, утверждалось, что дальневосточный регион развивался вне влияния Китая.

Несомненно, что эта политическая международная полемика оказала большое негативное влияние на все науки, включая востоковедение. Но были и свои немногочисленные положительные моменты этого политического давления. Например, советские исследователи стали более критично рассматривать публикации своих китайских коллег.

До этого ученые СССР без критики принимали все, что представляли китайские специалисты по древней и средневековой истории региона (Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн, 1959). Поэтому они полагали, что Бохай получил доминирующее влияние от танского Китая и практически не рассматривали мохэский культурный компонент в археологическом материале из бохайских памятников.

При этом бохэеведение в Советском Союзе вплоть до конца 1960-х годов страдало теми же недостатками, как и, в общем, советское востоковедение.

Конечно, были исследователи, такие как Н.В. Кюннер, М.Н. Пак, Е.И. Кычанов и некоторые другие, которые хорошо владели восточными языками и публиковали научные работы на основе знания языков Восточной Азии. Они в своих академических публикациях затрагивали вопросы средневековой истории Дальнего Востока по письменным источникам в контексте рассмотрения смежных территорий (Кюннер, 1961; Кычанов, 1966), но их было сравнительно немного.

В 1970-е годы изучение Бохэя в СССР еще больше активизировалось. К этому времени уже появилось поколение исследователей, проходивших обучение в областях востоковедения и археологии в 1950–1960-х гг. Этому способствовало еще и то, что советские ученые, занимавшиеся исследованием мохэ и чжурчжэней, поневоле касались темы Бохэя, так как темы этих исследований во многом связаны в ряде параметров. То же самое можно сказать и о бохэоведах, которые в своих работах затрагивали вопросы изучения мохэ и чжурчжэней.

Примером этому может послужить книга Михаила Васильевича Воробьева «Чжурчжэни и государство Цзинь» (Воробьев, 1975). В своей работе этот советский востоковед анализировал не только чжурчжэньскую тематику, но и касался вопросов изучения бохайской тематики. В

частности, он рассматривал положение бохайского населения в империи Цзинь. По мнению М.В. Воробьева, бохайцы играли важную роль в чжурчжэньском государстве, имели привилегии и занимая высокие посты в Цзинь.

Другим примером является монография С.Н. Гончарова «Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун 1127–1142 гг.» (Гончаров, 1986).

Несмотря на то, что эта книга в основном посвящена событиям конфликта между чжурчжэнями и Китаем, в ней содержится интересная информация об участии бохайцев в политической жизни империи Цзинь и войне этого государства против Сунской империи.

Развитие археологических и исторических исследований в регионе требовало наличие какой-то структуры, на которую в дальнейшем могли опираться научные изыскания. Это привело к тому, что в 1976 году Академия наук СССР создала во Владивостоке Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ НДВ ДВО АН СССР). Ученые этого учреждения проводили почти все археологические изыскания в Приморском и Хабаровском краях. Представители этого института — Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Крадин Н.Н., Гельман Е.И., Лещенко Н.В. и многие другие научные сотрудники ИИАЭ, по сути, проводили основные исследования по археологии и истории Бохая.

Но помимо археологических исследований были затронуты и другие области: социальные, исторические и т.д. В частности, это привело к дискуссии о социальном строе Бохая.

Согласно марксистской системе, первоначально принятой в СССР, человеческое общество проходит пять этапов развития: первобытное общество, рабовладение, феодализм, капитализм и социализм. В связи с малым количеством письменных источников, относящихся к Бохаю, советские ученые могли только предполагать, к какому типу общественного строя относилось бохайское государство.

Дискуссия об этом затронула многих исследователей Советского Союза, занимавшихся изучением Бохая и связанных с ним областей. Но при этом вышеуказанное обсуждение не выходило за рамки марксистской теории. Мы приведем основные версии, относившиеся к дискуссии о социальном строе бохайского государства.

Например, А.П. Окладников полагал, что бохайский социальный строй представлял собой смешанный вариант рабовладения и феодализма (Окладников, 1959; Окладников, Деревянко, 1973). Евгения Ивановна Деревянко считала, что Бохай имел уже сформировавшуюся феодальную структуру (Государство Бохай, 1994). Э.В. Шавкунов утверждал, что в Бохае превалировала система раннего феодализма со многими пережитками архаичного строя. При этом в государстве существовала данническая система, позволявшая получать прибыль от зависимых племен. По мнению Э.В. Шавкунова, бохайский правитель был владельцем всех

земель в государстве (Шавкунов, 1968). Н.Н. Крадин рассматривал вопросы ранней государственности у народов Дальнего Востока, включая бохайцев (Крадин, 2005).

Большие успехи были достигнуты и при полевых работах на бохайских городищах. Археологические экспедиции работали каждый сезон, что позволило собрать большое количество артефактов. Многие археологические отряды занимались раскопками одного памятника на протяжении нескольких сезонов подряд.

На ряде бохайских городищ и поселений было собрано большое количество остеологического материала, который уже в 1980–1990 годы дал много ценной информации о хозяйственной деятельности бохайского населения (Алексеева, Болдин, 1986; 1989: 80; 1994). Исследования костных останков из бохайских памятников в Советском Союзе были уникальными, так как на то время ни в какой другой стране изучение бохайских остеологических материалов не проводилось.

Собранная информация позволила определить виды диких животных, на которых охотились бохайцы, какие виды скота они разводили, выяснить, какую роль животноводство, рыбалка, собирательство и охота играли в жизни средневекового населения. Кроме того, результаты анализа костных останков на каждом памятнике были разными, что позволяет предположить, какой вид экономической деятельности был более развит на том или другом месте проживания бохайцев.

К тому же анализ остеологических материалов показал, что на территории Приморского края существовали виды животных, которые в настоящий момент не обитают на юге Дальнего Востока.

К ним относятся гиена (скорее всего пещерная), суслик, бобр, лесная лошадь, северный олень и другие. Часть останков некоторых животных была не идентифицирована в силу различных обстоятельств (плохой сохранности материалов, отсутствие необходимой техники, малое число специалистов и т.д.). Возможно, некоторые из них относятся к тем видам животных, которые вымерли уже в средневековый период или сильно изменились под давлением различных факторов (как природных, так и человеческих).

Еще одним интересным показателем стал анализ костей морских животных и рыб. Как правило, их находили на различных памятниках, удаленных от морского побережья на 100–200 км (Kim, Burdonov, Mezentsev, 2017; Kim, Burdonov, Mezentsev, 2020). В ходе непубличной дискуссии по данному вопросу российский ученый В.Л. Юн в 2000-е годы предположил, что эти представители фауны могли быть получены местным населением в результате торговли с общинами, проживавшими около морского побережья.

Мы допускаем вариант, что некоторая часть этих животных и рыб могла быть получена в ходе обмена товаров с рыболовецкими группами, жившими у морского побережья. Но большое

расстояние от моря и количество найденных материалов позволяет предположить, что мохэское и бохайское население Приморского края могло совершать длительные охотничьи и рыболовные экспедиции.

В тот период времени большие расстояния являлись серьезным препятствием, так как не было хороших дорог к местам промысла. Это относится как к группам, жившим у побережья, так и в равной степени к тем жителям, которые жили вдалеке от моря. Поэтому обеим сторонам было затруднительно совершать торговые экспедиции друг к другу. Необходимо также учитывать, что такое продовольствие (как рыба и морские животные) является скоропортящимся продуктом в нехолодное время, и его перевозка за сотню километров была нелегким делом.

Поэтому жители на морском побережье не могли в сезон рыболовной добычи заниматься перевозками продуктов на дальние расстояния. К тому же любые длительные путешествия были сопряжены с многочисленными помехами и опасностями и требовали участия в них большого числа мужчин, способных держать оружие и решать вопросы грузоперевозок в пути.

Поэтому мы можем предположить, что такие экспедиции могли быть возможны только при одном условии — большом количестве получаемой пищи, которая могла оправдать поисковому отряду большие расходы времени, усилий и различного рода материалов.

На основе собранных археологических материалов и информации за 1960–1970-е годы советский археолог Валерий Александрович Хорев издал книгу, в которой были собраны сведения обо всех, на то время известных археологических памятниках в Приморском крае, начиная от каменного века и заканчивая чжурчжэньским периодом (Хорев, 1978). Автор проделал огромную работу, которая позволила суммировать и конкретизировать большое количество информации по археологии и топографии. В.А. Хорев в своей работе уделил много внимания и бохайским поселениям, укреплениям, городищам и храмам в крае.

В своей работе автор приводил общие сведения по каждому описываемому памятнику — место расположения, период, время существования, кто его нашел. Эта публикация стала ключевой для многих археологов Дальнего Востока, включая и тех, кто занимался изучением Бохая.

Последующие исследования археологических памятников в 1980–1990-е годы в крае выявили некоторые неточности в этой работе, но это не повлияло на ее популярность среди российских ученых, так как являлась наиболее достоверным источником информации по приморской археологии. Поэтому в 2000-е годы вышеуказанная книга В.А. Хорева переиздавалась с некоторыми исправлениями и дополнениями.

В 1980-е годы начались раскопки Краскинского городища. Уже вышеупомянутый советский археолог В.И. Болдин был начальником первых археологических экспедиций,

изучавших этот памятник. Данное городище является самым большим бохайским городом на территории Приморского края (Ивлиев, Болдин, Никитин, 1998: 152).

Этот памятник важен не только из-за богатого археологического материала, но и географического положения. К тому же рядом с городищем находится бохайский могильник.

Китайские, корейские, российские и японские исследователи предполагают, что Краскинское городище в прошлом было большим бохайским портом, через который шла торговля, ездили бохайские, японские, и, возможно, китайские посольства морскими путями (Шавкунов, 1968: 94; Ван Ся, 1991: 235; Болдин, 1996: 27–30).

Результаты полевых исследований, проходивших десятилетиями, показывают, что в Краскинском городище существовали постройки дворцового типа и большое количество жилищ. Несмотря на то, что до сих пор никаких японских артефактов на памятнике не найдено и доказать, что этот порт был связующим звеном между Бохаем и Японией пока еще сложно, японские и корейские археологи с российскими коллегами часто проводят полевые сезоны на этом городище.

Кроме того, именно на Краскинском городище находят только бохайскую керамику и прочие артефакты. Это существенное отличие от прочих бохайских памятников Приморского края, где бохайская керамика обычно соседствует с мохэской.

К тому же на этом городище российские археологи находят много предметов с явным когурёским культурным влиянием. Поэтому Краскинское городище во многих аспектах является своего рода эталоном бохайской культуры в Приморском крае для археологов. Причем на этом памятнике нет археологических артефактов до и после бохайского времени (Ивлиев, Болдин, Никитин, 1998: 153).

Раскопки также проводились на ряде других бохайских памятников — Кроуновском, Николаевском, Борисовском, Новогордеевском, Константиновском и многих других.

Факт наличия большого количества бохайских памятников на территории юга Дальнего Востока привел к тому, что основные бохайские исследования в Приморском крае опирались на археологию. Исторические же исследования Бохая в тот период времени в основном проходили в Сибири и западной части страны.

В те же 1980-е годы началась дискуссия об этническом составе бохайского государства.

Как правило, советские исследователи, обсуждая вопрос об этнических группах в Бохае, исходили из летописных данных, в которых указывались только два народа, создавших государство — мохэ и когурёское население. Причем в ходе дискуссии все отечественные ученые исходили из того принципа, что мохэское население было доминирующим в Бохае.

Но Э.В. Шавкунов, опираясь на археологические данные, полученные в Приморском крае, считал, что Бохай был государством с многонациональным населением. Археологи,

работавшие на бохайских и чжурчжэньских памятниках, нашли ряд артефактов (аббасидская драхма, тюркские наконечники стрел и т.д.), которые не относятся к дальневосточному региону.

Поэтому Шавкунов предположил, что на территории Бохая существовали общины, прибывшие из других мест. Он полагал, что на юге Дальнего Востока находились многочисленные поселения согдийцев и других выходцев из Средней Азии. Бохайскому государству были выгодны торговые отношения с государствами Центральной Азии, поэтому оно поощряло такую иммиграцию. Также Шакунов утверждал, что на территории Бохая проживали тюркские, киданьские (как западные соседи), нивхские (как северные соседи) и уйгурские группы.

Основанием для этого он считал название одного из титулов второго бохайского правителя Да Уи, по которому он был генерал-губернатором Девяти уйгурских племен (Шавкунов, 1985; 1988). Но, возможно, этот титул носил номинальный характер.

Однако остальные российские исследователи не поддержали данную теорию. Большинство из них полагают, что немногочисленные археологические находки артефактов на территории Приморского края, относившиеся к культурам Центральной Азии, не могут быть основанием для утверждения о существовании различных этнических общин из столь удаленного региона на территории современного Приморского края. Они могли попасть на территорию юга Дальнего Востока в результате торговли или обмена подарками. К тому же в китайских и корейских летописях нет указаний на другие этносы, жившие в Бохае, кроме мохэсцев и когурёсцев.

Но, несмотря на то, что эта теория оказалась практически забыта в России в настоящее время и более никем из ученых в России не поддерживается, в других странах, например, Республике Корея и Японии, она еще пользуется большой популярностью (Сонь, 1992; 1999).

Начало 1990-х годов ознаменовалось большими проблемами для науки. Распад Советского Союза привел к разрушению экономических связей в стране, что привело к резкому сокращению государственного финансирования любых исследований (Ивлиев, Ключев, 2006: 42). Этого не избежали и исследования Бохая в стране. С начала 1990-х годов размах и количество археологических исследований значительно сократились.

Такое положение сказалось и на краеведческой деятельности Общества изучения Амурского края. В частности, оно перестало участвовать в каких-либо полевых исследованиях, а его уже ранее упоминавшееся периодическое научно-популярное издание, «Записки общества Амурского края», стало выходить нерегулярно.

Слабое государственное финансирование привело к сильному оттоку кадров из науки, молодые специалисты после вузов не стремились заниматься научными изысканиями и обучению в аспирантуре в силу экономических факторов.

Практически прекратились остеологические исследования бохайских памятников в Приморском крае, так как они являются довольно трудоемким занятием, требующим высокой квалификации, много времени и затрат. К тому же главный специалист в этой области на юге Дальнего Востока, Э.В. Алексеева, переехала в Сибирь. Поэтому изучение костных останков из бохайских памятников на Дальнем Востоке России после этого частично восстановились, но носят эпизодический характер.

Однако, несмотря на эти проблемы, раскопки бохайских памятников продолжались. Практически каждый год выходили сборники научных работ (в меньшем объеме и реже), посвященных различным областям знания о Бохае. Конечно, ученые не могли издавать большие сборники, полностью посвященные бохайскому государству, но и в условиях экономического кризиса это следует признать большим достижением в науке.

В 1994 году была выпущена коллективная монография «Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России», главным редактором которой выступил Э.В. Шавкунов. В работе над публикацией приняли участие многие специалисты в областях бохайских исследований, в основном, из ИИАЭ. Авторы этого труда суммировали все археологические и значительную часть исторических знаний о Бохае, которые на тот момент были у них в распоряжении. Были приведены практически все достижения советских и российских ученых и их теории, связанные с бохайской тематикой.

Несмотря на то, что данной работе в основном был представлен археологический материал с бохайских памятников Приморского края, вплоть до середины 2000 — х годов эта книга стала базовой для исследователей во всех областях изучения Бохая.

Сложная ситуация с государственным финансированием археологических раскопок была несколько облегчена тем, что с начала 1990-х годов к изучению бохайских памятников стали проявлять интерес корейские и японские организации.

В частности, в 1990-е годы северокорейские археологи принимали участие в российских полевых экспедициях в Кроуновке и Константиновке, южнокорейские специалисты — в Кроуновке, Краскино, Марьяновке, японские ученые — в Краскино. Работа иностранных ученых в раскопках приморских бохайских памятников дала значительное финансовое снабжение этим экспедициям.

Такое сотрудничество оказалось важным и для развития научных контактов — ученые разных стран получили возможность ознакомиться напрямую с материалами, доводами и идеями своих иностранных коллег, принять участие в конференциях и международной дискуссии по многим ключевым вопросам бохаеведения и т.д.

Российские исследователи приняли участие в ряде проектов, семинаров и конференций, опубликовали множество различных научных работ, начиная от тезисов и кончая пространными полевыми отчетами.

В 2000-е годы сотрудничество с зарубежными специалистами в изучении бохайских археологических памятников в Приморье было продолжено в ходе одного сезона раскопок на Горбатке, а также в течение длительного времени на Краскино (с южнокорейскими (до 2019) и японскими учеными (и в настоящее время)) и на Кокшаровке (с южнокорейскими археологами, в настоящее время не проводятся). Работавшие на Краскино ученые применили новые для дальневосточной археологии методы исследований — углеродный анализ, георадар и др.

В 2005 году на базе ДВГУ (современном ДВФУ) был открыт Центр археологических исследований «Бохай». Финансировался он за счет южнокорейской строительной корпорации Кохап. Предполагалось, что Центр сможет сконцентрировать изучение Бохайского государства в регионе, но этого не произошло — основные исследования все равно проводились Институтом истории, археологии и этнографии ДВО РАН.

Основной рабочий состав Центра состоял только из одного профессора и одного лаборанта. Сравнительно небольшие успехи в научной и просветительской деятельности данной структуры привели к сворачиванию финансирования из Республики Корея и последующему закрытию Центра в 2019 году.

Кроме того, российские специалисты стали проводить свои исследования за рубежом. Так, в частности, российские археологи совместно с монгольскими коллегами нашли бохайские артефакты на территории Монгольской Народной Республики в ходе раскопок киданьских памятников (Kradin, Ivliev, Ochir, Danilov, Enhtur, Erdenebold, Nikitin, 2005; Kradin, Ivliev, 2008).

Улучшение экономического положения в России в конце 1990-х годов позволило расширить изучение Бохая во многих случаях без помощи иностранных фондов. В частности, это отразилось на проведении многочисленных конференций регионального и международного уровней, связанных с изучением бохайской тематики. Такая активность стимулировала ученых к выпуску большого количества сборников материалов. К тому же в работе этих конференций приняли участие исследователи из других стран, например, государств Корейского полуострова, Китая, Японии, США, Германии и т.д.

Активное изучение российскими исследователями бохаеведения в других странах, изучение новых слоев в бохайских памятниках и открытие новых городищ, относящихся к бохайской государственности, привело к росту получаемой информации о Бохае. В результате этого были накоплены новые знания о бохайском государстве, представленных в виде статей в большом сборнике «Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы» в 2005 году.

В этом академическом труде были представлены научные статьи по разным периодам истории региона, с историей Бохая были связаны публикации А.Л. Ивлиева, Н.Н. Крадина и Ю.Г. Никитина (Ивлиев, 2005; Крадин, 2005; Никитин, 2005).

В этих работах была представлена новая информация по археологии и истории Бохая, которая значительно дополнила данные по истории этого государства. В отличие от предыдущих работ подобного типа, в данной монографии были использованы многочисленные работы на иностранных языках. В частности, в статье А.Л. Ивлиева рассматривается информация по истории Бохая, полученная из китайских и японских источников, которая ранее была неизвестна.

Российские исследователи стали больше проявлять внимания к изучению Бохая в других странах, увеличилось число переводных работ с иностранных языков.

В настоящее время историческим изучением Бохай занимаются Н.Н. Крадин (проблемами ранней государственности у народов Дальнего Востока) (Крадин, 2005; 2010; 2015, Крадин, Ивлиев, 2011), А.Л. Ивлиев (летописные данные по Бохаю, историческое и археологическое бохаеведение, изучение этой темы в Китае) (Ivliev, 1999; Ивлиев, 2005; Kradin, Ivliev, 2008). Сравнительно слабее представлены изучения Бохая в Японии и на Корейском полуострове. Вопросами исследования бохайской тематики в Европе или США по сути никто не занимается.

Представителей археологического изучения Бохая в России значительно больше. Это В.И. Болдин (первый советский археолог, кто стал заниматься Краскинским городищем) (Болдин, 1996; Болдин, Гельман, 2005, Ивлиев, Болдин, 2006; Болдин, 2015, 2017), Е.И. Гельман (Бохайская тематика, связанная с ремеслами, раскопки бохайских памятников) (Болдин, Гельман, 2005; Никитин, Гельман, 2002, Гельман, 2013, 2017), Ю.Г. Никитин (в настоящее время является директором музея ИИАЭ НДВ ДВО РАН, исследует бохайские артефакты) (Никитин, Гельман, 2002, Никитин, 2005), Н.В. Лещенко (экономическая активность и ремесла) (Лещенко, 2012, 2017; Лещенко, Прокопец, 2015), Е.В. Асташенкова (Искусство и культура) (Асташенкова, 2012, 2017; Асташенкова, Пискарева, 2016), Я.Е. Пискарева (керамика, мохэ) (Асташенкова, Пискарева, Сергушева, 2011; Пискарева, 2013).

Н.Г. Артемьева в основном занимается проведением раскопок и разведок чжурчжэньских памятников, но временами касается своими исследованиями и бохайской тематики (Momot, Kim, Artemyeva, 2016), О.В. Дьякова изначально занималась археологией Приамурского региона, но в своих работах затрагивает и изучение Бохая (Дьякова, 2014). Е.А. Сергушева работает в области земледелия древнего и средневекового Дальнего Востока, включая Бохай (Сергушева, 2012, 2014, Сергушева, Гельман, 2014).

До 2000-х годов Бохай в России рассматривался в основном в контексте китайских источников и в системе взаимоотношений с империей Тан. Конечно, японские материалы не

были обойдены вниманием, но их сравнительно мало, к тому же в территориальном плане Бохай не имел никакого отношения к японской империи.

Но в начале XXI века ситуация несколько изменилась, так как ряд российских корееведов стал изучать Бохай через структуру отношений на Корейском полуострове, так как бохайское государство включало в себя земли современной северной части Кореи (Толстокулаков, 2002; Торкунов, 2003; Тихонов, 2003; Курбанов, 2009). Поэтому в ряде случаев они стали использовать в своих публикациях по бохайской тематике корейское название Бохая — Пархэ (Пальхэ).

Со временем в России стали возрождаться остеологические исследования бохайских материалов (Панасенко, Гельман, 2008; 2009; Лапшин, Момот, 2011; Момот, Камля, 2011; Беседнов, Гельман, 2011; Шарова, Гельман, Раков, 2011; Момот, Ким, Артемьева, Лапшин, Момот, 2013; Омелько, Винокурова, 2014), но, конечно, не в том объеме как в советское время, и они носят непостоянный характер. Причиной этому является нехватка специалистов и большой объем работы.

Таким образом, как мы видим, несмотря на трудности 1990-х годов, в последующие годы российское бохаеведение смогло восстановить свои позиции во многих аспектах исследований и открыло новые области знания при изучении Бохая.

Также отметился рост количества публикаций российских исследователей, связанных с изучением Бохая. Если в 1998 году у них было около 300 работ (Хан Кю-чхоль, 1992; 1999), то в 2001 году российские ученые уже имели на своем счету 333 публикации (Хан Кю-чхоль, 2006: 65–68).

Подводя итог, мы можем отметить ряд особенностей изучения Бохая в России. Несмотря на то, что бохайские исследования в нашей стране начинались с исторического аспекта, в дальнейшем инициатива перешла к археологическим изысканиям.

В последнее время снова поднимается историческое изучение Бохая, причем с использованием иностранной литературы, что, в совокупности с исследованием археологических материалов, дает дополнительную информацию и более полное представление о бохайском государстве и его жителях на территории современного Приморского края.

Также российские исследователи по возможности стремятся ознакомиться с новыми тенденциями изучения в бохаеведении за рубежом или в других отраслях науки (Зверев, Полищук, 2010; Бессонова, 2011; Бессонова, Савченко, 2011; Сакаи, Кисида, 2014).

Но при этом в российском бохаеведении остается много проблем. Одной из ключевых является преемственность поколений ученых. Сравнительно низкое финансирование науки приводит к тому, что в изучении Бохая (как и во многих других науках) очень мало молодых ученых. Остается низкой востоковедческая подготовка кадров.